

- 3 Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
- 4 Народный комиссариат по просвещению к IX Всероссийскому съезду Советов. М.1922.
- 5 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.83; там же Д.96.
- 6 X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.1921.
- 7 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп.1. Д.160.
- 8 ГАРО.Ф. Р-1818. Оп.1. Д.87.
- 9 СУ. 1921. № 64.
- 10 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.98; там же. Д.85.
- 11 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.102.
- 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 193; ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.96.
- 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194; ГАРО. Ф. Р-64. Оп.1. Д.13; Ф. 2584. Оп.1. Д.19.
- 14 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д.7037; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26, Д.3; там же. Оп 34. Д. 854.

УДК 94(470.6)“1920”

Панкова-Козочкина Т.В.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ОТНОШЕНИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В 1920-Х ГГ. * (на материалах Юга России)

Аннотация. В статье представлена недостаточно изученная в российской историографии проблема отражения в социально-групповом сознании российского крестьянства образа местной власти в условиях относительного идеологического плюрализма и слабости кадрового обеспечения местных советов в 1920-х гг. На региональных архивных материалах Юга России раскрывается отношение крестьянства к потенциальным кандидатам в местные органы власти, когда предпочтение заведомо отдавалось зажиточным хозяевам, способным к реальному управлению сельскими делами лицам и настойчиво игнорировались социально-классовый, партийно-выдвиженческий и гендерно-пропорциональный подходы. Крестьяне отрицательно относились к проводившейся политике властей по большевизации местных советов. Такие категории сельского населения, как «бывшие», «кулаки», еще не были демонизированы большевиками, которые оказались вынуждены широко допустить в местные советы на Юге России казачество в условиях, когда социаль-

ные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой широких масс крестьянства.

Ключевые слова: большевики, женщины, зажиточные крестьяне, коммунисты, крестьяне, казаки, сельские советы.

T. Pankova-Kozochkina

ELECTORAL PREFERENCES PEASANTRY FOR LOCAL AUTHORITIES IN 1920. (ON THE MATERIALS IN SOUTHERN RUSSIA)

Abstract. The article presents the uncertainties in the Russian historiography of the problem reflected in the social group conscience of the Russian peasantry, the local authorities in conditions of relative ideological pluralism and the weakness of the staffing of local councils in 1920. At the regional archival materials of the South Russia revealed the ratio of the peasantry to the potential candidates to local authorities when the preference was given to wealthy owners obviously capable of real management of rural affairs of individuals and persistently ignored social class, party and promotional and gender-proportional approach. Farmers negative attitude to the policy pursued by the authorities to bolshevisation local councils. These categories of the rural population as “former”, “fist” (rich peasant), have not yet been demonized by the Bolsheviks, who were forced wide to allow for local councils in the south of Russia the Cossacks in a context where social outsiders village - the poor and the laborers - not enjoyed the support of the broad masses of peasants.

Keywords. Bolsheviks, womens, rich peasants, communists, peasants and Cossacks, the rural councils.

Большевики шли к власти под лозунгами создания в России подлинной системы народовластия в форме Советов разных уровней, формировавшихся путем свободных выборов и, таким образом, максимально приближенных к населению и в полной мере учитывавших его нужды. Нельзя обвинить большевиков в том, что эти лозунги оказались пустой демагогией: советы как органы власти действительно были созданы и, с формально-юридической точки зрения, являлись базисом политической системы постоктябрьской России. По этому поводу в Конституции РСФСР 1918 г. (Гл. 1, п. 1) прямо указывалось, что «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов», и «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [1, 2]. Территорию всей страны постепенно покрыла густая сеть органов местного самоуправления, так что, по довольно ироничному замечанию исследова-

* © Панкова-Козочкина Т.В.

телей, «с коммунизмом Власть оказалась как бы размазанной по России» [2, 193].

Работники сельских советов, будучи истинно народными избранниками, казалось, должны были полностью устраивать своих избирателей и, тем самым, крепить доверие народа (точнее, по большевистской терминологии, «масс») к советской власти, вроде бы демократической по своей сути. Однако социальная реальность Советской России первого постоктябрьского десятилетия убедительно доказывала, что подобного рода властно-электоральные ожидания зачастую являлись беспочвенными или попросту ошибочными. В исторических источниках 1920-х гг. содержится прямо-таки пугающее количество упоминаний о том, что советский аппарат в деревне «очень плохой» [3, 44]. Об этом писали и обычные крестьяне, и сельские корреспонденты (селькоры, не без оснований именовавшие себя «барометр деревни» [4, 124]), и многие представители власти, в том числе из числа высшего советско-партийного руководства.

Такие кандидаты на должность «сельсоветчика», как бедняки или батраки, вызывали устойчивое неприятие сельского социума, ибо рассматривались крестьянами в качестве неисправимых лентяев или алкоголиков. Крестьяне, исходя из своего социального опыта, были твердо убеждены, что человек, неспособный правильно и рационально вести собственное хозяйство, никогда не сможет наладить общественные дела; более того, его даже нельзя допускать к ведению таких дел. Поэтому, несмотря на давление партийно-советских структур, жители села старались при первой удобной возможности устранить («провалить», «дать отвод») из числа кандидатов в сельсовет того или иного бедняка, известного односельчанам «с плохой стороны» [5, 33]. Добавим, что иной раз и сами бедняки стремились отказаться от исполнения выборной должности; мотивом самоотвода выступало, как правило, опасение, что административная работа будет отнимать слишком много времени, сил и пагубно отразится на материально-бытовом положении данного конкретного кандидата. Во время перевыборов сельсоветов осенью 1924 г. члены Сельского окружкома ВКП(б) указывали на эту тенденцию: «были случаи в некоторых селениях, когда крестьянин-бедняк, вторично единогласно избираемый в Совет, снимал шапку и умолял собрание освободить его от этой почетной должности, т.к. иначе он должен вконец разорить свое хозяйство» [6, 16 об].

В отношении женщин как вероятных членов сельсовета сельское сообщество де-

монстрировало еще большее неприятие: в документах 1920-х гг. неоднократно встречаются печальные констатации того, что «женщин не избирают в совет» [7, 27]. Дело в том, что крестьяне расценивали женщину в органе местного самоуправления всего лишь как «ненужный балласт» [8, 72]. Большевистским агитаторам, ратовавшим за феминизацию сельсоветов, мужская часть деревни убежденно отвечала: «женщина балласт, нам нужны люди деловые, которые могли бы управлять советскими делами» [9, 29]. Учитывая социальную специфику Юга России, где наличествовали крупные казачьи сообщества, необходимо отметить, что казачество демонстрировало подобные же антипатии: «казаки косятся на тех женщин, которые ходят на собрания и хотят работать в сельсовете», ибо, по их мнению, «какой там толк от бабы» [10, 562]. В данном случае, как видим, сохранявшаяся в 1920-х гг. на Дону, Кубани, Ставрополье или Терекке сословная рознь между казаками и крестьянами никак не сказывалась: и те, и другие в равной мере не желали допускать женщин к управлению общественными делами.

Разумеется, стремление сельских жителей сохранить характерную гендерную асимметрию в области местного самоуправления не может считаться разумным и продуктивным. Подобные настроения представляли собой дань сельским патриархальным традициям, но опровергались целым рядом примеров успешной деятельности крестьянок и казачек на общественном поприще. Вместе с тем следует признать, что в конкретно-исторических условиях советской доколхозной деревни 1920-х гг. стремление большевиков привлечь в сельсоветы как можно больше женщин зачастую наталкивалось на непреодолимые препятствия бытового и экономического характера. Множество женщин, обремененных семьей, детьми и хозяйственными заботами, попросту не могли исполнять возложенные на них административные обязанности. Так, в 1929 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края в 14 сельсоветах председателями работали женщины (тогда как в 1928 г. подобное наблюдалось только в 2 сельских советах). В архивных документах прослеживается, что женщин чаще, чем мужчин, снимают с работы и, кроме того, нередко они сами отказываются от выполнения должностных обязанностей; отмечался также случай, «когда женщина только числится на работе, фактически же не работает» [11, 5]. В конце 1929 г. Курсавский райисполком докладывал Ставропольскому окрисполкому, что в Янкульском сельсовете его председатель – женщина, – освобождена от занимаемой должности, так как «не вынесла возложенной на нее

руководящей работы». Предполагалось снять с работы женщину, председательствовавшую в Широкогорьковском сельсовете, поскольку она не справлялась со своими обязанностями [12, 1].

Что касается коммунистов как кандидатов в члены сельского совета, то в исторических источниках второго десятилетия XX века прямо отмечалось: членов компартии крестьяне «не уважают» [13, 34]. Подобное «неуважение» (и, соответственно, нежелание видеть коммунистов в органах сельского самоуправления) порождалось рядом причин.

Во-первых, сельские коммунисты имели низкий образовательный уровень и были «политически мало развиты» [14, 70], так что, по словам членов Донского окружкома ВКП(б), «касающиеся их законы советские крестьяне знают во много раз лучше, чем коммунисты [в сельсоветах]» [15, 31]. Ограниченный кругозор сельских партийцев зачастую не позволял им достойно выполнять возложенные на них административные функции. Как говорили работники того же Донского окружкома ВКП(б) в феврале 1926 г., «если раньше нужен был коммунист хорошо владеющий оружием, то теперь нужен коммунист, который мог бы в этих сложных задачах, выдвигаемых жизнью, разобраться. А много ли у нас таких коммунистов, которые могли бы руководить всеми этими сложными задачами и в области политики, и в области экономики, и в области кооперации и т.д.» [16, 32а] (вопрос этот звучал риторически, ибо ответ на него давала сельская действительность: коммунистов, способных «разобраться в сложных задачах» деревенской жизни, оказывалось немного). Естественно, крестьяне не хотели видеть в органах местного самоуправления совершеннейших бездарей, пусть даже они и принадлежали к правящей коммунистической партии.

Во-вторых, городские коммунисты, присланные в деревню на общественную или административную работу, имели слабое представление о сельской жизни, что вызывало негативное отношение крестьянства и казачества. Секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов справедливо писал в 1925 г.: «незнающего деревню присланного в станицу партработника, станичники не уважают, хотя бы во всех остальных отношениях он был дельным человеком. Ко всякому присланному работнику приглядываются, всякую ошибку подмечают и, может быть, вслух не скажут, но про себя отметят: “це чоловик не наш” [17, 24]. Передавая характерные особенности диалекта кубанских крестьян и казаков, населявших Ейский район и говоривших на смеси русского и украинского языков с явным пре-

обладанием последнего, Горюнов приводил в своей работе рассказ председателя Ново-Щербиновского станичного совета Краснопольского о том, каким образом ему удалось завоевать доверие земледельцев: «поехал он со станичниками в город. Ехали мимо посевов. Один станичник показывает на посев и говорит: «тов. Краснопольский! Скажите вы мни дурню, яка це трава, ны як нэ разберу: горновка, чи шо?» и когда Краснопольский ответил правильно и назвал точно сорт пшеницы, все хитро перемигнулись: «от зразу видно, шо вин хлебороб» [18, 24].

В-третьих, устойчивое отторжение сельских жителей вызывал волюнтаристский, командный, а то и прямо агрессивный, стиль работы коммунистов, занявших административные посты в деревне. В данном случае у крестьян имелись все основания для недовольства, ибо подобных «диктаторов с партбилетом» в кармане тогда появлялось в деревне немало. Например, члены Сальского окружкома ВКП(б) признавали в 1925 г., что «большинство деревенских коммунистов работают на селе с 1920 года, [и у них] привычка командовать осталась до сих пор» [19, 88].

Наконец, в-четвертых, жителей доколхозной деревни в сильнейшей степени раздражало явное несоответствие между пропагандистскими заявлениями о, якобы, «народном» характере советской власти и отчетливо выраженным стремлением большевиков заполнить органы сельского самоуправления максимально возможным количеством членов компартии путем грубого давления на избирателей. Как говорили члены Сальского окружкома РКП(б) в 1924 г., «крестьяне в большинстве селений выражают явное недовольство, если на выборах им предлагают список кандидатов в члены сельсовета, и не потому, что последние им не нравятся, а потому, что как они выражаются [«]не хотим только подымать руки[»] [20, 16об].

«Хозяйственники», которых крестьяне настойчиво требовали провести в сельсоветы, являлись по определению зажиточными хозяевами, то есть, по партийной терминологии большевиков, – «кулаками», врагами советской власти. Выбирая в советы таких хозяев, жители села надеялись на их деловую хозяйственную хватку, способную изменить в лучшую сторону ход общественных дел: «если крестьянин сумел поставить свое крестьянское хозяйство, то безусловно он сумеет быть хорошим хозяином [в сельсовете]» [21, 35], «нужно провести [в совет] тех, кто хорошо (богато) живет потому, [что] раз он может хорошо вести дело в своем хозяйстве, то поведет и в общественном хозяйстве» [22, 23]. Кроме того, крестьяне полагали, что, в случае

допущения каких-либо злоупотреблений и/или должностной халатности, член сельсовета из числа зажиточных мужиков сможет ответить за свои ошибки собственным имуществом: «если он в чем-нибудь наделает неправильностей, то у него есть имущество и, значит, с него можно взыскать потом будет» [23, 27].

Заметим, что термин «кулак» в архивных документах того времени активно и повсеместно еще не употребляется. С другой стороны, слово «зажиточные» в разных формах (прилагательное, существительное и др.), как показал контекстуальный анализ изученных нами документов, нередко использовалось в крестьянском лексиконе в качестве непосредственного синонима термина «кулак» безо всякой демонизации соответствующего образа. Причем практики советского строительства в 1920-е гг. еще не были столь сильно отягощены идеологическими догмами, и поэтому довольно часто в своих выступлениях употребляли слово «зажиточные» исключительно по его прямому назначению, подразумевая, прежде всего, самые хозяйственные слои деревни и обозначая им односельчан и станичников, умело и результативно ведущих свое хозяйство. Тем самым в крестьянском лексиконе одновременно фигурировали оба слова: «кулак» и «зажиточные», и никакого противоречия в этом не содержалось, ибо именно зажиточные крестьяне представляли социальное лицо деревни.

Помимо зажиточных крестьян, в состав обновленных советов с началом политической кампании «лицом к деревне» попало некоторое количество «бывших», – то есть представителей досоветского чиновничества, интеллигенции, офицерства (такая тенденция прослеживалась, как правило, в казачьих станицах). Именно эти люди обладали реальным опытом администрирования на местах, чего так не хватало постоктябрьской деревне. Так, весной 1925 г. председателем Мечетинского сельсовета стал «старый чиновник» [24, 31]. В марте 1927 г. сотрудники ОГПУ докладывали в Сальский окружном ВКП(б), что в станице Орловской Пролетарского района на должности секретаря сельсовета находится казак Пономарев, «бывший полицейский урядник при белых, личность антисоветски настроенная, каковой пользуясь служебным положением производит регистрацию в ЗАГСе лиц обоего пола, не достигших совершеннолетия» [25, 7]. Такие факты не могли не беспокоить правящую партию.

Региональная специфика Юга России предоставила большевикам еще один существенный повод для беспокойства. Дело в том, что в казачьих районах «оживление» советов

выразилось в их «оказачивании»: представительство казаков в станичных советах заметно выросло [26, 116-212]. Например, после выборов весны 1925 г. казаки составили 80 % членов Мечетинского станичного совета [27, 31]. Собственно, «оказачивание» советов прямо формулировалось большевистским руководством как политическая задача («лицом к казачеству»), реализация которой должна была способствовать распространению просоветских настроений в казачьих сообществах. Однако процессы пошли иначе, чем изначально предполагалось, и представителей партийно-советского руководства сильно тревожило то обстоятельство, что «казак попер в советы и у нас спрашивать не стал» [28, 34]. Иными словами, казаки, вопреки публично обозначенным для них властно-электоральным ожиданиям правящей партии, во-первых, стремились выдвинуть из органов местного самоуправления иногородних крестьян и, во-вторых, старались «выдвигать в советы старых общественных деятелей (атаманов) и др.» [29, 27]. Такие действия воспринимались лидерами компартии как однозначное ослабление позиций большевистского режима в станицах, с чем они, естественно, примириться никак не могли.

Все вышеперечисленные изменения в советах, являвшиеся закономерным результатом предоставленной земледельцам возможности самостоятельно формировать органы местного самоуправления, вызвали сильнейшее беспокойство в ЦК ВКП(б) и привели к свертыванию политики «лицом к деревне». Как отмечает М. Венер, «уже с осени 1925 г. партия затормозила осуществление своей политики, направленной на дальнейший подъем сельского хозяйства, вновь взяв на вооружение концепцию классово-борьбы» [30, 100] (свертывание политики «лицом к казачеству», являвшейся в казачьих регионах Юга России разновидностью политики «лицом к деревне», началось, по мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна, не раньше весны 1926 г. [31, 202]).

В итоге все вернулось на круги своя, и корпорация работников сельской системы самоуправления стала вновь вызывать нарекания крестьян, указывавших на фактическое отсутствие сводных выборов («на местах еще имеется назначенчество председателей сельсоветов» [32, 7]), на грубость и самоуправство местного начальства, которое «обращается с гражданами грубо, грозит арестом» [33, 19об], на то, что «наш советско-хозяйственный аппарат бывает негибким и слабо реагирующим на нужды трудящихся масс» [34, 4]. Однако с большевистских номенклатурных позиций формирование корпорации местных управленцев не вызывало особых сомнений. Затем, с конца 1920-х гг., началась сплошная форсированная коллективизация, в

ходе которой корпорация местных администраторов и вовсе отделилась от крестьянства, ибо «для сталинской системы властвования и управления требовался специфический персонал» [35, 65].

Итак, крестьянство имело свои электоральные предпочтения в отношении местной власти в 1920-х гг., кардинально отличные от того, что предлагала, а чаще навязывала правящая партия большевиков. Социальные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой основной части крестьянства. Традиционализм деревни также выталкивал из местных властных структур женщин. Их проникновение во власть становится более-менее зримым лишь к концу 1920-х гг. Однако гендерная асимметрия в области местного самоуправления оставалась преобладающей тенденцией в формировании корпуса сельских администраторов. Деревенское сообщество наиболее жестко противостояло проталкиванию в ряды местных чиновников коммунистов, поскольку они по ряду вышеизложенных причин не могли реализовать насущные интересы крестьянства. Деревня жаждала видеть в числе своих лидеров «хозяйственников», «зажиточных», поскольку для налаживания нормальной деревенской жизни требовались не политиканствующие личности, а состоявшиеся хлеборобы, способные не просто отдавать руководящие указания, но и знающие, как именно решить ту или иную хозяйственную задачу. Крестьяне в этом видели основное предназначение местной власти в условиях восстановительного периода после кровопролитной Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918. С. 2.
2. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. 2000. № 4. С. 193.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 44.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 580. Л. 124.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
6. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
7. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
8. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 72.
9. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 795. Л. 562.
11. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 5.
12. ГА СК. Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 1.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 34.
14. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.
15. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
16. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 32а.
17. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925. С. 24.
18. Там же. С. 24.
19. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 88.
20. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
21. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.
22. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 23.
23. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
24. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
25. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.
26. См.: Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997. С. 92–96; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 116–121.
27. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
28. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.
29. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
30. Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924 – 1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 100.
31. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 202.
32. ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
33. ЦДНИ РО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.
34. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
35. Романовский Н.В. Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65.

УДК 94(470) „19“ XX в.

Самсоненко Т.А.

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»: ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ (на материалах Юга России)*

Аннотация. В статье представлена малоизученная в российской историографии проблема социально-экономических условий жизни сельской интеллигенции в период сплошной форсированной коллективизации. На основе обстоятельного изучения, прежде всего, архивных материалов, регионально охватывающих районы Юга России, раскрываются смысловые перспективы понятия «сельская интеллигенция», показывается процесс решения вопросов материально-финансового, продовольственного снабжения, культурно-бытовых условий жизни отдельных слоев сельской

* © Самсоненко Т.А.